

— Тан Чжи! — Е Сянь, едва проснувшись, увидел, что Тан Чжи всё ещё спит. Не раздумывая, он взмахнул рукой, и толчок разбудил Тан Чжи.

Того подняли с постели столь внезапно, что он чуть не вскочил от испуга. Будь на месте Тан Чжи кто-то другой, Е Сянь, следуя своему характеру, наверняка дал бы ему пощёчину и устроил сцену. Но поскольку это был Тан Чжи, всё обернулось иначе. С кем-то иным Тан Чжи нахмурился бы и потребовал: «Объяснись». А выслушав оправдания, позже обязательно отыгрался бы.

Но это был Е Сянь, и Тан Чжи лишь терпеливо, очень мягко спросил:

— Что случилось?

— Хе-хе, — только что проснувшийся Е Сянь улыбался сонно. На его бледной щеке ещё краснели следы от подушки.

— Я уже проснулся, а ты спишь. Меня это бесит.

Вот так, с полной серьёзностью и самоуверенностью.

Повторим: будь это кто-то другой, Тан Чжи лишь усмехнулся бы и взялся за дело. Но это был Е Сянь, тот, кого он любил больше всех. Получив такой ответ, Тан Чжи с радостью покорился.

— Иди сюда.

Тан Чжи протянул руку, и Е Сянь тут же перекатился в его объятия. Естественно, как всегда, когда они просыпались вместе.

— Ах, как хорошо, — с наслаждением вздохнул Е Сянь.

Такие дни и впрямь прекрасны: любимый рядом, утром просыпаешься вместе с ним. Когда-то Е Сянь размышлял о подобном, но никак не ожидал, что тем, с кем он будет делить пробуждение, окажется Тан Чжи — его друг, а ныне возлюбленный.

Но это было прекрасно. Будь они по-прежнему просто братьями, и Е Сянь разбудил бы Тан Чжи таким толчком, тот непременно отомстил бы — пусть и не со всей строгостью, но отыгрался бы обязательно.

Теперь же всё иначе: Тан Чжи обязан был принять это с улыбкой.

— Да, хорошо, — многозначительно ответил Тан Чжи.

Е Сянь не удостоил его взглядом, лишь закатил глаза.

— Чем займёмся сегодня? Погуляем или останемся в отеле?

— Я решаю? — переспросил Е Сянь.

— Ага. Разве я не говорил, что всё, кроме работы, в твоей власти? — напомнил Тан Чжи.

— О-о-о, — Е Сянь задумался, лениво потягиваясь.

— Останемся в отеле. Вечером посмотрим на закат над морем, а если завтра встанем пораньше — встретим рассвет.

Тан Чжи согласился.

— Проголодался? Сходить куплю или закажем в номер?

— Не очень. Лучше в номер. Твоя задача — быть рядом.

— Ладно.

Тан Чжи позвонил по телефону у изголовья и заказал завтрак. Они так и лежали, пока в дверь не постучали. Тогда Тан Чжи поднялся, сначала укрыл Е Сяня одеялом, потом накинул халат и пошёл открывать.

— Вставай, есть будем, — закрыв дверь, Тан Чжи вкатил в номер тележку.

— Не хочу шевелиться, — Е Сянь капризно заартачился, не двигаясь с места.

— Что ж, — Тан Чжи подошёл, сдернул одеяло, накинул на Е Сяня халат, подхватил его на руки и отнёс в ванную. Там он собственноручно умыл его и почистил ему зубы. Е Сянь лишь блаженствовал, принимая услуги.

— Неплохо, неплохо, — когда Тан Чжи вытер ему лицо, Е Сянь довольно ухмыльнулся, обвил его шею руками и чмокнул в щёку:

— Возьми, это тебе.

Тан Чжи ответил тем же, потом поднял Е Сяня, усадил на стул, придвинул тележку, расставил заказанные блюда на столе и вручил ему палочки с ложкой — обслуживание на высшем уровне.

— А есть самому я не хочу, — Е Сянь решил дожать своё.

Тан Чжи принял всё как есть. Не хочешь есть сам? Что ж, он покормит. Каждый кусочек он сначала пробовал губами, проверяя, не горячо ли, и лишь потом отправлял Е Сяню в рот.

Тот улыбался и принимал угощение, но вскоре ему наскучила эта чрезмерная нежность. Он взял палочки из рук Тан Чжи и принялся за еду самостоятельно.

Тан Чжи же продолжил трапезу теми же палочками, ничуть не брезгуя.

После завтрака они устроились в гостиничном номере с книгами: Тан Чжи погрузился в юридический фолиант, Е Сянь — в медицинский. Сидя друг напротив друга на полу перед огромным окном, каждый увлечённо читал, а за стеклом простиралось море. Самое же прекрасное было в том, что, подняв голову, они видели перед собой самое дорогое лицо.

Прекрасно.

Вместе они прошли через бури и непогоды. В тридцать лет у них появился дом, карьера и тот, кого они любят больше всего. В тридцать лет жизнь только начинается, но они точно знали: будут идти рука об руку, поддерживая друг друга.

Оба уже однажды смотрели смерти в лицо. Многие говорят: пережив такое, начинаешь смотреть на многие вещи проще.

Теперь они твёрдо знали, чего хотят. Не стремились к многому — лишь бы их возлюбленный,

семья и друзья были здоровы и счастливы.

— Тан Чжи!

— М-м?

— Я хочу, чтобы мы были для друг друга не просто самыми любимыми, но и теми, кто разделит всю жизнь. А не только самыми любимыми.

— Е Сянь.

— А?

— Хватит задавать такие идиотские вопросы. Я люблю тебя, ты любишь меня — это непреложно. А насчёт «разделить всю жизнь»... Е Сянь, ты что, хочешь сказать, что собираешься свернуть с пути и найти кого-то ещё?

— Э-э...

— Или ты с самого начала не планировал быть со мной до конца?

— Э-э...

— Говори, — прижал Тан Чжи.

— Этот вопрос тоже идиотский, и ты больше его не задавай. Раз уж ты связался со мной, то о побеге и не думай. Осмелся только дрогнуть — догоню хоть на краю света и оскоплю!

— Взаимно.

— Заложимся, — протянул руку с оттопыренным мизинцем.

— Заложимся, — Тан Чжи протянул свой.

Мизинцы сцепились.

— Заложимся навек, на сто лет, а кто сжульничает — станет щенком.

— Станет щенком.

Тан Чжи, до тридцати мы были братьями. После тридцати — возлюбленными. Самыми любимыми на всю жизнь.

Впрочем, ни морского заката, ни рассвета они так и не увидели. Почитав немного, они снова забрались в постель. На следующее утро проснулись уже за восемь.

— Мой рассвет! — взвыл Е Сянь, принявшись кататься по кровати.

Тан Чжи лишь покачал головой, застёгивая рубашку и наблюдая за его выходками.

Приведя себя в порядок, он похлопал Е Сяня, который уже выдохся и беспомощно раскинулся на простынях:

— Давай, поднимайся. Поедем на катере.

— На катере? — Е Сянь мгновенно оживился, кубарем скатился с кровати и помчался в ванную — умываться и одеваться с невиданной скоростью.

Тан Чжи заказал завтрак в номер. Позавтракав, они вышли.

Пирс Чжаньцяо был одной из достопримечательностей прибрежной зоны Циндао и одним из первых национальных туристических объектов категории 4А.

Е Сянь и Тан Чжи добрались туда на автобусе. Кто-то говорил: лучший и самый удобный способ осмотреть город — именно общественный транспорт. Е Сянь так и делал: смотрел в окно, запоминая понравившиеся места, чтобы потом их навестить.

— Здорово, — прошептал Е Сянь, глядя на уходящую в море дорогу. На самом её краю виднелся старинный восьмиугольный павильон.

— Пойдём, посмотрим, — Тан Чжи взял его за руку, и они зашагали по пирсу, разглядывая окрестности по пути к тому самому павильону.

— Хуэй... Лань... Гэ, — Е Сянь медленно прочёл вывеску. — Хорошее название.

— «Летающий павильон над волнами», — пояснил Тан Чжи, ведя его внутрь.

На входе взяли по четыре юаня — на двоих вышло восемь. Внутри стояли витрины с морскими обитателями — чучелами и живыми. На втором этаже расположились произведения искусства из ракушек, жемчуга и прочего. Е Сянь лишь кивал, впечатлённый красотой.

Выйдя из Павильона Хуэйлань, они увидели, что вдоль пирса кипит торговля: фотографы ловили клиентов, предлагались прогулки на катерах.

— Давай прокатимся на катере! — воодушевлённо предложил Е Сянь.

Тан Чжи кивнул. Они заплатили, надели спасательные жилеты и взошли на борт. Морской ветер, несущий брызги волн, ударил им в лица.

На море было беспокойно, ветер поднимал волны. Катер резал воду, будто исполняя на гребнях какой-то дикий танец. Е Сянь ликовал, порой раскидывая руки, словно желая обнять весь этот ветер.

Тан Чжи тоже был счастлив — отчасти из-за радости Е Сяня, отчасти из-за открывавшегося вида. Е Сянь мечтал встретить здесь старость, и Тан Чжи полностью соглашался. По возвращении он найдёт кого-нибудь, чтобы подобрать им здесь дом. Заложить гнездо заранее — чтобы приезжать сюда на покой или просто на отдых.

<http://bllate.org/book/16263/1463578>